

- Моя дорогая девочка, с твоей стороны действительно было слишком безрассудно вот так уходить. - Эта почти ослепительно красивая госпожа царственно восседала на своем деревянном стуле, устремив взгляд на Чжоу Фэй из-под занавеса ресниц, которые были похожи на великолепные крылья бабочки. Госпожа Циррус элегантно подперла подбородок одной рукой, решив докопаться до сути: - И как получилось, что вы, две девушки, оказались здесь одни?

Чжоу Фэй: «...»

Видя, что больше нет никакой возможности отбиваться от нее, Чжоу Фэй решила, что у нее нет другого выбора, кроме как солгать:

- Я просто следовала за своими старшими в этой поездке. На полпути я разозлилась, что они играют в любимцев со мной и моим старшим двоюродным братом и обращаются с ним намного лучше, и в гневе сбежала. Так получилось, что барышня У увидела, как я убегаю, и погналась за мной... М-м-м, по дороге мы столкнулись с парой конокрадов, которые грабили невинных путешественников, и в момент импульсивности я решила пойти за ними. Мы следили за ними всю дорогу до темницы Повелителя Алых Птиц.

Когда Чжоу Фэй сказала это, она, казалось, не была слишком уверена в своих словах, но всё же это не делало ее историю неубедительной. Потому что было логично, что она будет колебаться, признаваясь, что сбежала из-за чего-то столь тривиального, как чувство неполноценности. Если бы госпожа Циррус не слышала о «великих и грандиозных делах», которые совершила эта преемница Клинка Юга, или если бы Се Юнь не сказал ей, что Чоу Тяньцзи захватил и убил вдову и сына генерала У в городе Хуажун, она, возможно, действительно поверила бы этой девушке.

Госпожа Циррус нашла попытку Чжоу Фэй обмануть довольно забавной, потому что Чжоу Фэй не казалась чрезвычайно умной и сообразительной. Госпожа Циррус была уверена, что в возрасте этой девочки она гораздо лучше владела словами, чем Чжоу Фэй. В присутствии незнакомых людей Чжоу Фэй, как правило, вела себя сдержанно, как те отшельники прошлого, которые были исключительно одержимы оттачиванием своих боевых искусств. Она казалась довольно надежной особой, не вполне способной к интригам, но зато чрезвычайно восприимчивой к чужим планам. Если бы она заговорила, другие могли бы опасаться, что она будет слишком импульсивной или что она может говорить бездумно, не подозревая о том, насколько порочны сердца людей... но они, вероятно, не заподозрили бы, что она может лгать.

Поэтому, когда она действительно решала солгать, она могла быть невероятно правдоподобной.

Кусачие собаки редко лают, подумала про себя госпожа Циррус. Каждое новое поколение действительно превосходит предыдущее.

Поднеся чашку из тонкого фарфора к губам, она сделала изящный глоток и улынулась: «Это довольно необычно, разве люди не склонны больше баловать девочек?»

Чжоу Фэй неловко рассмеялась.

- Когда я была в твоём возрасте, я практически понятия не имела, что значит чувствовать себя неполноценной. – Отпустив, наконец, Чжоу Фэй, госпожа Циррус вместо этого обратилась к своему собственному опыту: - В то время все пресмыкались передо мной, независимо от того, кем они были. Мне просто нужно было бросить благосклонный взгляд в их сторону, чтобы мужчины сами падали к моим ногам, желая помочь мне получить то, что я хотела... Однажды, когда я играла на цитре на балконе, я разозлилась на шумных зрителей внизу и бросила кисточку с моей цитры вниз. Началась кровавая бойня, мужчины дрались друг с другом, чтобы завладеть этой кисточкой.

Чжоу Фэй испустила внутренний вздох облегчения, когда она нежно провела пальцами по тонкой резьбе на ножнах Горы Потерянных Источников. Слушая слова госпожи Циррус, она могла живо представить, как мужчины были готовы отправиться на край света, чтобы просто добиться ее благосклонности – точно так же, как одурманенный король-деспот Ю из династии Западная Чжоу зажег предупредительные маяки своего дворца, просто чтобы вызвать улыбку у своей супруги Бао Си*. Она слабо улыбнулась, прежде чем торжественно сказать:

- Должно быть, это были поистине чудесные времена.

* Бао Си была любимой наложницей короля Ю, но она была невероятно отчужденной и ни разу не улыбнулась с тех пор, как вошла во дворец. Поэтому король Ю предложил тысячу унций золота любому, кто сможет рассмешить ее. Кто-то при дворе предложил зажечь сигнальные маяки на горе Ли, которые обычно использовались для вызова армий из окружающих вассальных государств во времена опасности. Дворяне должным образом прибыли ко двору только для того, чтобы оказаться осмеянными Бао Си. Даже после того, как король Ю произвел впечатление на Бао Си, он продолжал злоупотреблять использованием предупреждающих маяков и, таким образом, потерял доверие дворян. В конце концов, когда кочевники напали на дворец короля Ю, он призвал своих дворян, используя маяки, но никто не пришел. Король Ю был убит, а Бао Си попала в плен.

Госпожа Циррус тихо сказала:

- О, сцена боевых искусств в то время была действительно великолепна. Куда бы ты ни пошёл, там происходило что-то захватывающее. Из каждых десяти придорожных гостиниц, в которых ты останавливался, в восьми происходила какая-то захватывающая драка. Странствующие барды тогда были чрезвычайно довольны, так как у них было более чем достаточно материала для славных рассказов, которые непрерывно лились из их уст. Юные герои бродили по земле, а юные девы повсюду славились своей чарующей красотой. Если вы были достаточно известны, вы получали приглашения почти ежедневно. Некоторые приглашали бы вас на бой, в то время как другие наблюдали. В стремлении сделать себе имя многие молодые люди, которые только что появились на сцене, подготовили бы целую гору таких приглашений, чтобы бросить вызов каждому из своих уважаемых старших... Конечно, подавляющее большинство таких импульсивных молодых людей потерпели бы серьезное поражение и в конечном итоге вернулись бы домой с поджатыми хвостами.

Чжоу Фэй подумала про себя: неужели Цзи Юньчэнь тоже был таким?

Но, увидев выражение ностальгии на лице госпожи Циррус, она проглотила эти слова. Она не хотела портить ей настроение.

- Мы очень отличались от того, какими вы, молодые, являетесь сейчас – когда я была в твоём возрасте, я была сумасбродно смелой и самоуверенной. Я думала, что держу весь мир в своих руках, и не была так подозрительна к другим, как ты.

Сердце Чжоу Фэй глухо забилося в груди. Она чувствовала, что госпожа пытается ей что-то сказать.

- У тебя когда-нибудь было такое чувство – как всего за одну ночь, в то время как горы и реки остаются прежними, все ушли? – Госпожа Циррус вздохнула и несколько мгновений молчала. Только когда Чжоу Фэй начала слегка ерзать на своем месте, она продолжила: -Девочка, вернись и скажи Тысяче Лет Страданий, чтобы он больше не искал меня в городе Шаоян. Труппа Перистых Облаков переедет в другое место.

- ...Что?

Госпожа Циррус не ответила. Она повернулась, чтобы посмотреть в окно, и довольно долго молчала. Затем хриплым голосом она начала петь:

- Но старые камни у моста были покрыты инеем, и он уехал далеко, чтобы никогда не вернуться...

Чжоу Фэй узнала эту строчку, она была из новой оперы Се Юня.

Голос госпожи Циррус не был четким и ясным, как у большинства певиц. Вместо этого он прозвучал немного хрипло и натужно. Она не очень четко выговаривала слова, и когда ее голос проникал в уши, казалось, что крошечный кусочек наждачной бумаги мягко царапает кожу головы.

Чжоу Фэй не удержалась и спросила:

- Куда вы направляетесь, госпожа?

- Куда я могу пойти? Или куда я не могу пойти? Я провела большую часть своей жизни, храня особый секрет, желая каждый божий день просто избавиться от него. К сожалению, сейчас за ним приходят некоторые дураки. Так что еще остается делать, как не найти место, чтобы похоронить его, а затем вернуть мои долги благодарности или мести тому, кому они причитаются? – Госпожа Циррус коротко рассмеялась, затем стерла улыбку с лица, повернувшись к Чжоу Фэй и спросив: - Действительно ли Чжэн Луошэн был убит тобой?

Чжоу Фэй честно сказала:

- Нет, я только помогла задержать его на некоторое время. Это был Клинок Се... старший Цзи. Он использовал Иглы Разыскивающие Душу, чтобы насильно оживить свои меридианы, и, в конце концов, убил Чжэн Луошэна.

Госпожа Циррус задумчиво кивнула. Она, казалось, говорила слишком долго и была очень измучена, когда отпустила Чжоу Фэй взмахом руки.

Чжоу Фэй на самом деле все еще хотела задать ей много вопросов, но поскольку госпожа Циррус прямо сказала, что это «секрет», было бы невежливо продолжать расспросы дальше – в любом случае, она сама не была честна с этой женщиной.

Она представляла себе всевозможные варианты относительно того, что могло бы произойти, а также великолепную сцену боевых искусств прошлого, которую описала госпожа Циррус. Она рассеянно вернулась в свою комнату, где обнаружила Ли Янь, сидящую у ее кровати. Девчонка нашла яркую полоску шелковой ткани и прикрепляла ее к этой сердоликовой печати цвета хурмы, используя сложную тесьму.

Чжоу Фэй закатила глаза:

- Почему ты все еще здесь?

Увидев, как она вошла, Ли Янь выплюнула полоску ткани изо рта:

- Есть кое-что важное, что я забыла тебе сказать.

Чжоу Фэй понятия не имела, как у Ли Янь хватало наглости считать «важным» всё, что она могла сказать. Она закрыла за собой дверь и скрестила руки на груди, бросив на Ли Янь взгляд, который говорил: «выкладывай быстрее или проваливай».

Ли Янь поспешно сказала:

- Когда ты дралась с той Чёрной Головешкой, я слышала, как этот парень что-то сказал старшей сестре группы.

«Этим парнем» мог быть только Се Юнь, потому что он был единственным шипом среди изобилия роз в маленьком дворике госпожи Циррус. Чжоу Фэй не потрудились исправить своё обращение к госпоже средних лет как к «старшей сестре» и медленно развела руками. Данное Ли Янь прозвище – любезно предоставленное ее невезучим старшим братом – было «Ябеда Ли», потому что она была настоящим мастером сплетен с юных лет; мало того, что ее рот был чрезвычайно быстр, чтобы настучать на других, ее слух также был невероятно острым. В то время как другие могли быть острыми глазами и ушами из-за их подготовки в боевых

искусствах, мастерство Ли Янь в этом отношении казалось полностью данным Богом талантом. Она была особенно чувствительна к голосам людей, так что даже если что-то шептали в нескольких метрах от нее, она могла примерно понять, о чём идёт речь. Среди молодежи своего поколения она действительно не имела себе равных в искусстве подслушивания.

Чжоу Фэй поколебалась, прежде чем спросить:

- И что он сказал?

Ли Янь редко оказывалась полезной Чжоу Фэй, поэтому она быстро пересказала разговор между Се Юнем и госпожой Циррус слово в слово.

Еще до того, как она закончила, она почувствовала, что что-то в выражении лица Чжоу Фэй выглядело не совсем правильно. Сделав паузу, Ли Янь с любопытством спросила:

- Фэй, что с тобой не так?

Чжоу Фэй: «...»

Чёрт возьми, она была разоблачена!

Вспомнив легкую ухмылку на лице госпожи Циррус только что, Чжоу Фэй почувствовала себя так неловко, как будто она только что пробежала голой по улицам. Ее лицо покраснело, затем побледнело, затем позеленело от беспокойства.

Она раздраженно прогнала Ли Янь, затем рухнула навзничь на кровать, закрыв лицо одной рукой, нервно размышляя, как она объяснится с госпожой Циррус. Должна ли она рассказать ей всю правду, разоблачив свою ложь и признавшись в ней с болью, или притвориться, что ничего не произошло?

Последние несколько дней были крайне утомительными для Чжоу Фэй, и поэтому, прежде чем она смогла принять решение, она уже погрузилась в глубокий сон.

Только когда первый луч рассвета неприятно защекотал ее веки, и со двора послышались слабые звуки флейты, Чжоу Фэй вздрогнула и открыла глаза. Она резко выпрямилась на кровати, хрустнув слегка затекшей шеей с болезненным выражением на лице. Затем она быстро умылась и оделась, глубоко вздохнув, прежде чем открыть дверь.

И тут же была ошеломлена.

Столы и стулья во внутреннем дворе не изменились, а яркие цветы и растения были точно такими же, как и вчера. Единственная разница заключалась в том, что все до единой из тех

девушек, которые обычно вставали до рассвета, чтобы попрактиковаться здесь, исчезли. И цитра на каменном столе, и полосы ткани, украшавшие деревья, исчезли вместе с ними, оставив только Се Юня, лениво развалившегося на одиноких качелях.

Он снял эти смехотворный грим со своего лица и положил свои длинные ноги на каменный стол рядом с качелями. Он наигрывал веселую мелодию на грубо сделанной флейте, которую держал в руке.

Если не считать этой мелодии, в маленьком дворике, который ещё вчера был полон песен и танцев, теперь царила мертвая тишина, как будто госпожа Циррус и ее служанки были сборищем духов, приходившим и уходившим без следа. Они соткали для нее очень причудливый и яркий сон, прежде чем ускакать на ночном бризе и превратиться в дрейфующий туман, полностью исчезнув.

Се Юнь прервался на середине мелодии, махнув ей рукой в знак приветствия: «Доброе утро».

Чжоу Фэй была не в том настроении, чтобы развлекать его. Она побежала в комнату для вышивания госпожи Циррус, но обнаружила, что в этой комнате, которую она посетила накануне, двери и окна были распахнуты настежь. Декоративная ширма и курильница для благовоний внутри остались точно там, где были вчера, а две чашки чая на столе всё ещё не были убраны. Как будто обитатель этой комнаты просто ненадолго вышел, чтобы полить цветы... Не хватало только тяжелого меча на стене.

- Можешь не метаться, они все ушли, - Се Юнь в какой-то момент подошел и теперь лениво прислонился к стене. Он потянулся и сказал: - Это типично для труппы Перистых Облаков.

Чжоу Фэй коснулась чайной чашки на столе, на которой, как она чувствовала, всё ещё был иллюзорный след тепла.

- Госпожа Циррус сказала мне вчера, что она хранит секрет, за которым охотятся многие люди, имеет ли это какое-то отношение к Мечу Гор и Рек? Или с той штукой, которую ты упомянул: «Море Сливаётся...»

Се Юнь прервал ее мягко, но твердо:

- Ш-ш-ш.

Чжоу Фэй подняла глаза, чтобы встретиться с ним взглядом. Взгляд Се Юня был опущен, и его лицо казалось слегка бледным. Он мягко моргнул с оттенком одиночества, которое не могло быть выражено на его лице, и сказал тихим голосом:

- Не говори об этом так небрежно. Насколько я знаю, большинство людей, которые были связаны с этим, умерли.

Чжоу Фэй бесстрастно ткнула его в живот:

- Я думаю, ты просто пытаешься снова напугать меня.

Се Юнь издал громкое «Ой!», - скривившись, когда он наклонился:

- Это убийство... твоего... собственного брата!

- О, правда? Я не знала, что он у меня есть. Ты уверен, что ты мой брат?

- О, нет, нет, нет, я не достоин быть твоим братом, о великая. - Принц Дуань и его болтливый рот быстро отступили на пару шагов, прежде чем сказать с ухмылкой: - Этот конкретный секрет, вероятно, не более странен, чем все остальные многочисленные секреты в мире боевых искусств. Каждые сто лет или около того будет распространяться та или иная история о спрятанном сокровище или всемогущем руководстве, разве ты не слышала ничего из этого раньше? Не стесняйся, дай волю своему воображению.

Чжоу Фэй действительно слышала многое из этого раньше, но большинство историй были устаревшими клише и звучали совсем не так, как будто они могли быть правдой.

Что, черт возьми, означало «Море Сливается с Небом»?

Судя по реакции Лорда Лазурного Дракона, казалось, что смерть Инь Вэньлани произошла именно из-за этого.

Но в огромной вселенной боевых искусств каждый желал разных вещей – кто-то стремился к богатству, кто-то - к власти, а другие делали что-то во имя любви... И еще была та небольшая группа самых сильных бойцов, которые хотели бороться за справедливость и честь, даже против сил того времени, и оставить свои имена в анналах истории. Какое секретное руководство или сокровище могло бы удовлетворить все эти различные желания, заставляя так много людей бороться за это зубами и ногтями, пока даже грандмастеры того времени не были повержены?

Чжоу Фэй скривила губы, а затем внезапно сказала:

- Думаешь, после того, как эта тайна будет раскрыта до самого конца, и после массовой борьбы за нее, кому-то удастся напасть на след - после всех этих трудностей, связанных с преодолением различных опасностей, чтобы добраться до неё, всех усилий, приложенных для ее достижения, мы, наконец, откопаем маленькую надежно завернутую коробочку, которая, когда ее откроют, будет содержать всего два слова?

Се Юнь с любопытством спросил:

- И что это могут быть за слова?

- «Чего желаешь?» - сказала Чжоу Фэй.

Се Юнь сначала выглядел ошеломленным, а затем резко сделал шаг назад, опираясь на деревянную колонну рядом с собой для поддержки, когда его тело затряслось от смеха.

Его смех был прерван лаем собак.

Кто-то начал стучать во входную дверь, затем раздался громкий голос мужчины средних лет: «Извините, незрелая маленькая барышня из моего клана является гостьей в этом уважаемом заведении?»

Чжоу Фэй на мгновение замерла, затем ее глаза внезапно заблестели - она узнала этот голос. Он принадлежал Ма Цзили, который руководил их испытанием на ученичество в зале Сюйшань!

Покинув 48 крепостей так надолго, Чжоу Фэй почти забыла, какими были люди дома. Все испытания и невзгоды, которые она пережила до сих пор - Ли Шэн, которого все еще не нашли, трагическая смерть Чжан Чэньфэя, защита осиротевшей и беззащитной барышни У, все еще не способной установить контакт со старой госпожой Ван, безумные Руки Поблекшей Славы в городе Хуажун, это тревожное письмо госпожи Ли Чжоу Итану и явно преувеличенная репутация, которую она каким-то образом заработала... Она подавила всё это глубоко внутри себя и даже не сказала ни слова об этом Ли Янь - потому что на самом деле было совершенно бессмысленно рассказывать этой девушке всё это.

Но в этот самый момент все эти тревоги и огромное давление, которые она испытывала, вырвались наружу, и Чжоу Фэй выскочила за дверь, не сказав ни слова. Когда она прошла мимо него, Се Юнь увидел, что ее глаза немного покраснели.

У Чучу и Ли Янь с затуманенными глазами тоже были поражены этой суматохой и выбежали из своих комнат вслед за ней.

Чжоу Фэй глубоко вздохнула, прежде чем широко распахнуть парадные двери. Когда двери распахнулись перед ними, Ма Цзили и ученики из 48 крепостей слегка напряглись, но уже в следующее мгновение все они были потрясены и потеряли дар речи.

Рука Ма Цзили застыла в воздухе, готовая постучать снова. Он довольно долго удивленно смотрел на нее: «Фэй?»